

ТАДЖИКИСТАН, ГДЕ НИКТО НЕ ХОТЕЛ ВЫЖИВАТЬ

Ах, как это здорово, ах, как это пикантно звучит: среди убитых людей Махмуда Худойбердыева - афганские граждане, естественно, из числа соратников узбекского генерала Достума! Да и как иначе, если сам Худойбердыев - ставленник Ташкента, во что бы то ни стало стремящегося установить над несчастным Таджикистаном свой протекторат!..

Проанализировать ситуацию холодным умом, абстрагировавшись от тотального психоза войны, конечно, трудно. Куда как легче поискать виноватых извне. Этим в сегодняшнем Душанбе занимаются от души, с любовью к делу, занимаются давно, затмив взоры как пролитой кровью собственного народа, так и любовно врзращиваемой ненавистью к соседнему народу, сумевшему на развалинах советской империи крови избежать. Антиузбекский пафос не скрашивает официальные речи официальных лиц: опасно, в Ташкенте обидятся - мало не покажется. Неофициально же национализм культивируется усилиями, достойными куда как более приличного применения. То ли обкуренные, то ли пьянеющие от запаха крови, кулябские гвардейцы очень, очень часто произносят слово «Родина» - вот уж, воистину, где к месту мудрость русского философа Сергея Соловьева: «Патриотизм есть последнее прибежище негодяев».

А сенсация, извините, не состоялась. Не было в худжандских событиях афганских граждан, да и сам Худойбердыев вряд ли когда-либо был связан с Ташкентом чем-то более, кроме как своим смешанным происхождением. Было, есть и, к сожалению, остается совершенно другое, к чему ни афганцы, ни узбеки, ни кто-то другой, кроме самих таджиков, отношениях не имеет.

В условиях среднеазиатских республик непредставленность во власти тех или иных регионов или кланов - детонатор заряда, который рано, поздно ли, но сработает обязательно. Сегодня в руководстве Таджикистаном представителей Ленинабадской области просто нет. И это при том, что исторически Ленинабадская область всегда была наиболее развитой в экономическом и культурном отношении в сравнении со значительно более отсталыми южными регионами, из которых самый отсталый - Кулябский. Ленинабадская область - может быть в силу более

высокой культуры - до сих пор не участвовала в гражданской войне, продолжала трудиться и более чем на пятьдесят процентов обеспечивать доходную часть республиканского бюджета. И так - все годы войны! Еще в прошлом году в Душанбе многие мои собеседники утверждали: худжандцы не воюют, потому что более трусливы! И никому из этих душинбинских собеседников не составило труда задуматься: а может быть, худжандцы просто умнее?!..

4-го ноября в 4 часа утра местного времени в Ленинабадской области начались бои. Отряды полковника Махмуда Худойбердыева, ворвавшиеся в Худжанд, в город-спутник Чкаловск и в областной аэропорт примерно на 10-ти большегрузных фурах, почти мгновенно овладели аэропортом, ключевыми зданиями в Чкаловске, в Худжанде они захватили здания Управления внутренних дел и Управления безопасности, а также Старую крепость, Худжанд-Кала, в которой дислоцировалась воинская часть 3501 (полк спецназа МВД). Кроме того, отряды Худойбердыева под командованием его заместителя подполковника Сергея Зварыгина взяли под контроль районные центры Ура-Тюбе и Нау, закрепившись на Шахристанском перевале и блокировав тем самым трассу Худжанд-Душанбе перед Андзобским перевалом - главным природным бастионом на этой трассе.

В тот же день Махмуд Худойбердыев в переговорах с руководством Ленинабадской области выдвинул свои требования. Главными политическими условиями прекращения военных действий опальный полковник назвал следующие: проведение в Худжанде сессии парламента республики, включение в состав правительства и других исполнительных органов власти представителей Ленинабадской области, предоставление эфирного времени по республиканскому телевидению и радио Абдулмалику Абдулоджанову, премьер-министру Таджикистана в 1992-94-м годах, послу Таджикистана в России, единственному сопернику Эмомали Рахмонова на президентских выборах 1994-го года и безусловному лидеру Северного Таджикистана. По сути, все это означало одно: паритетное участие худжандцев в управлении республикой.

5-го ноября позиции на Андзобском перевале заняли части бригады специального назначения из Душанбе, Худойбердыев блокировал Чкаловский аэропорт и обратился к мировым, в первую очередь российским, средствам массовой информации с просьбой информировать международную общественность о ситуации на севере Таджикистана.

В Таджикистан две наши съемочные группы РТР - одна московская, другая из Бишкека - въехали 6-го ноября со стороны узбекского Бекабада, через Ура-Тюбинский таможенный пост, рассчитывая на встречу с людьми Худойбердыева: именно эти районы по сообщениям агентств накануне мятежники уже полностью контролировали. На стыке трассы Худжанд-Душанбе с дорогой, ведущей в Узбекистан, нас встретили кулябские отряды президентской гвардии. По их словам, все уже было закончено. Худжанд и Чкаловск полностью освобождены, по районам ведется зачистка местности. Рахмоновские гвардейцы посоветовали нам направиться в Чкаловск - там, дескать, все руководство, там общий штаб правительственных сил, там - максимум информации. Двигаемся со скоростью 20-30 км в час - быстрее нельзя, в этом случае наша машина тут же станет объектом, предназначенным к уничтожению. Следующий блок-пост - километров через тридцать. Здесь все происходит уже более нервно. У обочины - три окровавленных трупа. Боевики Махмуда, объясняют нам, оказывали сопротивление, были убиты. На нашу просьбу - разрешить съемки - откликаются, правда, не сразу. Пинками с ругательствами и плевками на трупы их переворачивают лицами вверх. «Гармские собаки...» - слышу голос одного из солдат. Нам разрешают снять трупы, категорически не разрешая снимать себя самих, особенно лица. Уже двинувшись дальше, обмениваемся впечатлениями: все трое убиты выстрелами прямо в лоб - не очень похоже на то, что были убиты в бою, при оказании сопротивления. Больше напоминает элементарный расстрел. Кстати, слишком малоубедительны и доказательства принадлежности этих людей к боевикам Худойбердыева, которые привели нам солдаты: к боевикам этих и многих других людей, задерживаемых в полях, относят, обнаружив, якобы, под гражданкой солдатское нательное белье. После этих слов наш московский видеоинженер Андрей Ганькин, по неопытности надевший в командировку камуфлированную куртку, зябко поводит плечами.

На развилке дорог, ведущих к Худжанду и к Чкаловску - наиболее, пожалуй, спокойный блок-пост. Полковник милиции объясняет нам, что предыдущая информация неверна, штаб правительственных сил находится в Худжанде, в здании ГУВД, рядом, вокруг крепости, идут бои. В Чкаловске тоже идут бои, но

там обстановка менее контролируема, поэтому нам следует ехать все-таки в город.

Примерно 19.30 местного времени, уже полная темь. Перекресток у городского почтамта - где-то совсем рядом слева от нас - крепость. Мы выезжаем на перекресток и тут же тормозим сразу по нескольким причинам. Во-первых, сверху, откуда-то сбоку висят и торчат целыми пучками провода от разбитых троллейбусных линий - проехать прямо если и возможно, то только предварительно осмотрев путь. Почти мгновенно осознаем два окрика: спереди слева, где мелькают фигуры каких-то солдат, и сзади справа. «Один без оружия на выход» - на самом деле кричат по-таджикски, но технология таких остановок нам уже известна по предыдущим постам. Поскольку кричат сразу из двух точек, а одновременно двоим выходить категорически нельзя, мы немного теряемся, уходят какие-то мгновения и мы не выходим, выскакиваем из машины сразу втроем. Те, что спереди и слева, невыдерживают первыми и я слышу цоканье пуль по асфальту. «Не стреляйте, мы журналисты!..» - кто из нас это крикнул, сейчас уже не вспомнить. Возвращает к реалиям крик сзади и справа по-русски: «Ко мне, прикрою!»

Наша московская группа первой влетает в двери то ли подъезда, то ли магазинчика на первом этаже дома, где находятся какие-то бойцы, а я нечаянно пролетаю мимо двери и оказываюсь за спиной кричавшего «Прикрою!» парня с АКМом. Он дает несколько очередей вверх в сторону стрелявших в нас, по диагонали перекрестка, потом кричит: «СОБР, СОБР!..» Перекинувшись еще несколькими криками с противоположной стороной перекрестка и, похоже, убедившись, что там - свои, толчком «калашников» мне в ребра заставляет зайти в помещение. Все это длится может быть менее минуты, впрочем, за это время мой оператор Виктор Ткаченко, находившийся за рулем, успевает сдать задним ходом, бросает машину и оказывается рядом с нами. Снова вопросы: кто такие? Снова крики: всем на пол!.. Из общего гула выделяется голос: «Растрелять их, да и все...»

Расстреливать все-таки не надумали. А тому человеку, который вырвал нас из обстреливаемой зоны перекрестка поручает доставить нас в штаб. В штабе наконец-то более-менее нормально

разбираются с нашими личностями и поручают нашу дальнейшую судьбу все тому же парню. Никому заниматься нами не хочется.

Фамилию своего спасителя мы даже не узнали, не успели. Знаем, что зовут его Рашидом, служит он в местном УВД в отделе по борьбе с бандитизмом, сам - узбек, перевелся в Худжанд недавно, поскольку в Душанбе, откуда родом и где служил, слишком много таджикских националистов. А у него, узбека, еще и жена русская...

Дома у Рашида мы в итоге и ночуем на полу вповалку. Живет он в правобережной части города, за Сыр-Дарьей, там спокойно.

Рассказ о первом вечере нашего пребывания в Худжанде имеет смысл как иллюстрация того, насколько невелика у этих людей цена человеческой жизни и, напротив, велика жажда крови. Подобное мне доводилось видеть в Чечне - но не у чеченских боевиков, а у российских контрактников. Может быть, это превращение человека в зверя есть плата за участие в несправедливой войне, неосознанная компенсация за обесцененную приказом штабных идиотов собственную жизнь?..

Утром первым делом мы попадаем к главе администрации области. Здесь его называют раисом, председателем. Характерно, что об интервью мы не просим, раиса к нам приводят и ставят перед фактом, что интервью снимать надо. Мы подчиняемся, правда слова раиса Касыма Касымова о том, что он полностью контролирует ситуацию и в области, и в городе, эти слова заглушаются стрельбой прямо под окнами и оттого звучат абсолютно неубедительно. Как неубедительно и противоречиво звучат многие сообщения официальных лиц из Душанбе и информационных агентств об этих событиях. Как не убеждает нас в правоте правительственных сил стремление представителей этих сил всячески воспрепятствовать получению достоверной информации. Мы сами видели характер боев вокруг крепости 7-го ноября, говорили с участниками осады крепости и выводы таковы: вряд ли от рук мятежников могли погибать мирные люди. А их - только по признанию областного раиса - было более ста человек! Люди Худойбердыева не устраивали стен огня, они грамотно организовали оборону и их снайперы прицельно били лишь по тем, кто пытался прорваться к крепости. «У них ни один патрон зря не пропал!» - такого рода реплик мы слышали много. Официальные

лица утверждают: большие потери мирного населения объясняются тем, что люди, непривыкшие к войне, сами дескать, лезли под пули...

Общая численность участников событий со стороны Худойбердыева разными источниками до сих пор варьируется. Сравнительный анализ убеждает: немного. Сорок, еще сорок... По максимуму получается не более пятисот. Зато похоже на то, что они, в отличие от южан, умеют не просто убивать, но воевать. Что можно предполагать достаточно уверенно, так это то, что костяк их наверняка состоял из старых сослуживцев мятежного полковника по бригаде быстрого реагирования, которой он командовал в Курган-Тюбе. Слишком уж профессионально они работали!.. В здании УВД, которое группа не более сорока человек удерживала более двух суток, мятежники не потеряли, скорее всего, ни одного человека. По словам милиционеров СОБРа и ОМОНа, участвовавших в попытках выбить людей Худойбердыева из УВД, к зданию их просто ни разу не подпустили, исключительно метким огнем, пресекая любые попытки приблизиться. Ночью махмудовцы просто ушли в крепость и утром нападавшие в удивлении обнаружили пустое здание. Лишь в помещении дежурной части находились несколько человек милиционеров, заблокированных там с утра 4-го ноября. Махмудовцы ушли, вопреки всем заявлениям, будто из здания УВД не выскользнет и мышь. И оказались в крепости, несмотря на такие же заявления правительственных чинов в отношении крепости. Утром 8-го ноября выяснилось, что точно таким же образом поступили и защитники Худжанд-Калы: штурма не было, все ложь - обнаружив отсутствие ответной стрельбы, президентские гвардейцы и солдаты правительственных войск начали осторожное приближение к крепости и ... обнаружили ее пустой. Тогда и выяснилось, что людей Худойбердыева в крепости было от силы человек сорок. И они почти четверо суток удерживали оборону, потеряв буквально единицы, в то время, как потери сил официального Душанбе уже на утро 6-го ноября составляли более пятидесяти человек. Помимо профессионалов-спецназовцев, к Худойбердыеву примкнуло немало местных жителей. Известно, что худойбердыевцы раздавали в первый день оружие, захваченное в крепости и в зданиях УВД и УБ. Возможно, что именно эти люди, из числа примкнувших, и стали жертвами

«зачисток местности», осуществляемых карательными отрядами, прибывшими с юга республики. Кстати, очень многие из бойцов этих отрядов не скрывали от нас такого, скажем факта: не получая месяцами никакого денежного довольствия, прибыв сюда, на север, они получили приказ: и продовольствие, и оплату за ведение боевых действий добывать самим, на месте. По-русски это называется: заниматься грабежами и мародерством. А им, похоже, и без приказов это в привычку...

* * *

Уже после того, как Махмуд Худойбердыев вынужден был покинуть Чкаловск, и скрыться где-то в горах, вернувшись в Ташкент, мы встретились с негласно находящимся там представителем Худойбердыева. Услышав вопрос об «узбекском следе», он с горькой иронией рассмеялся. Не новая, эта версия, нет! Она звучала в ходе нынешних худжандских событий точно так же, как звучала во время мятежа Худойбердыева в августе прошлого года в Курган-Тюбе: отряды Худойбердыева пришли с территории Узбекистана, туда же затем ушли, пользуются поддержкой узбекских властей и т.д. Ни в прошлом году, ни в нынешнем, никто и ничем, ни на йоту, этих обвинений не подтвердил. Пятого, шестого, седьмого ноября мы слушали эти слова от сторонников душанбинского правительства в Худжанде, а утром восьмого ноября мой ташкентский визави от Худойбердыева вручил мне документ. «Президент Таджикистана Рахмонов при содействии определенных кругов России и Узбекистана, оказавших военно-техническую помощь и допустивших транзит головорезов и вооружения душанбинского режима в Ленинабадскую область, продолжает этническую и политическую чистку на севере республики». Прочитанный документ - заявление штаба Движения «За всеобщий мир в Таджикистане», лидером которого является полковник Махмуд Худойбердыев. Под «военно-технической помощью» подразумевается использование российской авиации для подавления выступления отрядов Худойбердыева, под «транзитом головорезов и вооружения» - переброска через территорию Узбекистана из Душанбе железнодорожного состава с войсками. Кстати, по сообщениям

некоторых российских СМИ, правительственные войска в Чкаловск и Худжанд перебрасывались с территории Киргизии.

Сегодня, делая северян своим окончательным врагом, душанбинское правительство делает, тем самым, большую ошибку. В интересах всех прогрессивных внутритаджикских политических сил, изначально в мирном урегулировании кроме Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) и кулябского регионального клана должна была участвовать и «третья сила». Худжандская политическая элита, сориентированная исключительно на светский путь развития страны, могла бы оказать Рахмонову достойную поддержку в противодействии планам превращения Таджикистана в исламское государство. Сегодня можно уверенно констатировать: нежелание официального душанбинского режима сотрудничать с худжандскими политическими лидерами есть боязнь интеллектуального превосходства северян, есть боязнь потерять власть. В результате - Махмуд Худойбердыев и его мятежи, которых, есть серьезное опасение, будет еще немало.

Стремление валить с больной головы на здоровую - характерная черта состояния умов больного общества. Общество, пребывающее в состоянии гражданской войны уже как минимум седьмой год - общество, естественно, больное. Нынешние события в Худжанде означают ни что иное, как начало нового этапа гражданской войны в Таджикистане. Теперь уже - непосредственно у киргизской границы. Оправдываются наихудшие прогнозы: Таджикистан уверенной поступью идет по афганскому пути развития событий, когда самоуничтожение народа является простым повседневным делом, вроде как традиционным занятием. Просто работать и просто жить становится как бы не вполне прилично. А всем соседям такой страны оттого делается зябко, неуютно, скверно...

*Александр КНЯЗЕВ,
собственный корреспондент РТР -
специально для «Утра Бишкека»
Худжанд - Ташкент – Бишкек
14 ноября 1998 г.*